

ЯЗЫК И СОЗНАНИЕ

Концептуальное моделирование как метод изучения ментальной реальности человека

© доктор филологических наук Т. А. Фесенко, 2000

По своей природе мысль человека предполагает, с одной стороны, независимый от нее материальный мир, отражаемый ею, а с другой — вербальные средства ее выражения. Естественный язык не обладает функцией порождения мысли; являясь средством выявления структуры мысли носителя языка, он, по сути, дает ключ к реконструкции сознания. Реальная действительность отражается в человеческом мозгу в процессе мышления как накопленное знание об этой действительности, репрезентируемое в материальных формах языка. Язык обеспечивает человеку переход на уровень оперирования формами мысли, которые эксплицируются в семантике вербальных форм. Мышление, таким образом, не просто существует в формах мысли, но реализуется в конкретных, эксплицирующих эти формы мысли вербальных формах. Одним из компонентов, опосредующих этот процесс, является, по нашему мнению, концепт.

Изучение соотношения мыслительных и языковых структур и их роли в познании действительности позволяет нам вслед за другими исследователями постулировать наличие “промежуточного языка мысли”, опосредующего связь мышления с естественным языком и определяемого нами как **“язык ментальных построений” (ЯМП)**, одним из структурных компонентов которого, как отмечалось выше, является концепт. ЯМП рассматривается нами как “промежуточный код” между УПК¹ (в терминологии Н. И. Жинкина) и реальной речью. ЯМП осуществляет “перекодировку” содержания смыслового кода (УПК) в вербальные знаки.

Концепт существует в ментальной реальности человека (его сознании) как совокупность знаний и информации об актуальном или вероятном положении дел в реальном мире в контексте эмоций, переживаний, ассоциаций и так далее. Осознание его как ментального образования позволяет не только реконструировать ментальный мир носителя концептуальной системы, мир его психики, но и воссоздать его этно-

¹ Универсальный предметный код.

культурный образ, его этноментальную характерологию, ибо концепт — это фрагмент этнокультурной среды в ментальном мире человека.

Бесспорно, что содержание базовых концептов значительно объемнее, чем содержание одноименных языковых сущностей, поскольку их осознание распространяется по всей идеографической сфере, включающей разноименные обозначения “родового” понятия. Наличие безусловной связи идеографически организованных языковых выражений с концептуальной системой позволяет нам рассматривать определенную вербальную идеографическую организацию как *репрезентацию концептуальной модели*, содержащей все знания и весь ценностный опыт, накопленные данным социумом.

Построение концептуальной модели является *селективным процессом*, обеспечивающим выбор информации, “истинной” для определенного фрагмента действительности, фактов и событий; при этом концептуальная модель как бы сохраняет мысль “открытой” предстоящим возможностям.

Семантическое содержание концептов интерпретируется нами в контексте форм мысли носителя языка как их этнокультурная репрезентация.

Практически любой концепт может быть переведен с одного языка на другой (с возможной редукцией содержания) и репрезентирован в иной вербальной “упаковке”. Однако переводчик, выступая носителем того же вербального кода, что и автор сообщения, является одновременно носителем иной концептуальной системы, с помощью которой он должен трансформировать исходное мыслительное содержание сообщения. Например, образным выражением мира психики человека и его жизненных принципов служит немецкий концепт “*sesshaft*”, представленный в следующем вербальном варианте:

- Ich bin nicht *sesshaft*, werde es nie sein... (с. 25)²

В семантической основе концепта “*sesshaft*” лежат лексические единицы “*ansaessig*”, “*wohnhart*”, “*beheimatet*”, “*einheimisch*”, “*ingesessen*”, то есть “постоянно проживающий”, “местный”, “оседлый”, “натурализованный гражданин”. Неоседлый человек (*nicht sesshaft*) ведет кочевой образ жизни, не имеет постоянного места жительства, передвигается “с места на место со своим имуществом”.

“Кочеванье” является атрибутом многих видов профессиональной деятельности и, в частности, профессии клоуна. Выступая контекстно маркером “немецкой деловитости”, активного образа жизни и предприимчивости, “кочеванье”, как сопутствующий элемент конкретной профессиональной деятельности сопровождается положительными психо-

² *Boell H. Ansichten eines Clowns. Berlin, 1968. (Пер. Л. Черной).*

логическими и рационалистическими оценками, закрепленными в этническом сознании немцев. В переводном контексте концепт “sesshaft” вербализован следующими вариантами:

- Я непоседа и оседлым никогда не стану... (с.430).

- По натуре я бродяга, я никогда не стану человеком оседлым...

(с.23).

Семантическое значение концепта “непоседа” определяется набором таких интегральных признаков, как “неусидчивый”, “неугомонный”, “егозливый”, “вертлявый”, “беспокойный”, “подвижный”, “суетливый”, “непослушный”. Концепт “непоседа” имеет ассоциативную связь с образом ребенка-“егозы” и сопровождается в этом контексте положительными психологическими оценками.

Применительно к взрослому человеку образ “непоседа” рождает иные ассоциации, поскольку данная лингвокогнитивная модель предполагает наличие таких интегральных признаков, как “ребячливый”, “беспечный”, “инфантильный”, “несерьезный”, “легкомысленный”, “беззаботный”, “пустой”, “поверхностный”, “бездумный”, “ветренный”, “неосновательный”, “дурашливый”, “шалопутный”, которые вызывают далеко не однозначные эмоции: насмешку, жалость, раздражение, сожаление, неприязнь, недоумение и другие, сопровождающиеся отрицательными психологическими и прагматическими оценками.

Семантическая основа второго вариантного концепта “бродяга” складывается из смысловых компонентов “неприкаянность”, “бродяжничество”, “бездомность”, “бесцельность”, “нищета”, “скитание”, “неосновательность”, “ненадежность”. В практическом сознании концепт “бродяга” маркирован отрицательными утилитарными и рационалистическими оценками и не ассоциируется с профессиональной деятельностью, поскольку и немецкая, и русская лингвокогнитивная модель допускает существование “бродячих” артистов, то есть “странствующих”, но не “бродяжничающих”, то есть “обнищавших, бездомных людей, скитающихся без определенных занятий”³. Следовательно, смысловая наполненность и оценочная квалификация исходного концептуального инварианта “sesshaft” не нашли своего выражения в русских концептуальных вариантах “непоседа” и “бродяга”.

Семантическое описание культурных концептов позволило выявить многочисленные случаи смысловой и оценочно-психологической несотнесенности переводных концептуальных вариантов с их инвариантными структурами или случаи их иной эмотивно-психологической и оценочной аранжировки, что позволило сделать вывод об определяющей роли концептуальных систем при трансформации исходного смы-

³ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1988. С. 51.

слового содержания, поскольку лингвокогнитивной основой понимания и оптимального перевода является **согласованность уровней концептуальных систем представителей тех или иных лингвокультурных миров**, в частности, автора ИТ и его переводчиков и **соотнесение “личностных картин мира”**. Таким образом, концепты и концептуальные структуры являются в контексте перевода *маркерами понимания “этнической специфики мышления” и этнокультурного образа носителя иной концептуальной системы*.

Проведенный нами концептуальный анализ позволил далее определить *значение концептуального моделирования как метода изучения не только этнокультурной, но и ментальной реальности* автора ИТ и его переводчиков как носителей разных концептуальных систем. Предпочтение, отдаваемое переводчиком тому или иному вербальному выражению, отражает ориентационную основу его отношения к реальной действительности, что обусловлено, по нашему мнению, не столько лингвистической, сколько его *этнокультурно маркированной ассоциативной компетенцией*, обеспечивающей этнокультурную выраженность концептуальных структур и их вербальных кодов, репрезентирующих этноментальные модели определенного лингвокультурного мира.